«ИХ ВОСКРЕСИЛА ЛЮБОВЬ»
ИТОГОВЫЙ УРОК ОБ ИДЕЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

> Достоевский многому нас научает, многое нам открывает. Мы принимаем духовное наследие Достоевского. Но он не учитель жизни в строгом смысле…Трагедию человека, раскрываемую нам Достоевским, можно пережить и обогатиться этим переживанием, но учить переживанию этой трагедии, как жизненному пути, нельзя.
>
> Н. А. Бердяев. Миросозерцание Достоевского

1. Перечитайте эпилог и ответьте на следующие вопросы, найдите ключевые цитаты:
   - каким мы видим Раскольникова в первой части эпилога?
   - что меняется в Раскольникове в начале второй части эпилога?
   - «…Он воскрес, и он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим…» Как меняется отношение к Раскольникову окружающих?
   - что явилось «толчком» для такого резкого изменения?

В эпилоге герой проходит путь от уверенного в себе, поражённого своей идеей, каким читатель видит его во всём романе, через сомнение к возрождению к новой жизни. Изменение внутреннего мира героя сопровождается изменением его отношений с Соней. Освободившийся от идеи Раскольников восстанавливает разорванные связи с людьми («Раскольников – отпавший от целого, отколотый, личность, расколотая внутри себя, -- таков смысл фамилии, данной герою романистом». Е. Г. Буянов. Романы Достоевского. М. – 1997). Толчком становятся «апокалиптические» сны героя.

2. Особенности композиции романа.
Вы уже обращали внимание на то, что в реалистической литературе XIX века сны играют особую роль. Вспомните: сон Татьяны Лариной – предсказание о гибели Ленского, сон Петра Гринёва, в котором он отказывается целовать руку мужику с плутовскими глазами, сон Обломова, отвечающий на вопрос «Почему я такой?», сны Пьера Безухова, сны Веры Павловны в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» Во всех случаях соон как композиционный элемент романа становится формой выражения авторского знания о некой высшей истине, которую ещё не знает герой. В романе «Преступление и наказание» сны видят Раскольников и Свидригайлов. Сон о лошади, сон о девочке-самоубийце раскрывают истинное знание о сути преступления обоих. Такое же место занимают в композиции романа и сны Раскольникова в эпилоге – в них герою открывается ложность идеи. Раскольникову предстаёт действительное положение вещей (убийство омерзительно, противно человеческому существу). В этом смысле «апокалиптические» сны не отличаются от предыдущих: интуитивное, подсознательное в человеке показывает неотделимость морали от человеческой природы. В композиции романа сны оказываются противовесом идеи; альтернативой, подобной указанной в эпилоге – «диалектика – жизнь» («Вместо диалектики наступила жизнь»).

3. Анализ снов.
Изучите таблицу. Обратите внимание на образы из «Апокалипсиса Иоанна Богослова», ассоциирующиеся с образами снов Раскольникова. Постарайтесь запомнить, что слово «Апокалипсис» НЕ значит «конец света»!

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. Эпилог. Часть II	АПОКАЛИПСИС (греч. apokalypsis, от apo - от, и kalypto - прятать, скрывать - откровение) - часть Библии, одна из книг Нового Завета – «Откровение Иоанна», где изложено видение св. Иоанна Богослова на острове Патмосе. Содержит пророчества о «конце света», о судьбах мира и человека, о Страшном суде.
Он пролежал в больнице **весь конец поста и Святую**. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреду. Ему грезилось в болезни, будто весь мир **осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу.** Все должны были погибнуть, **кроме <u>некоторых, весьма немногих, избранных</u>**. Появились какие-то новые **трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей.** Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но **никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные.** Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, **всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других**, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и **не могли согласиться**; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. **Спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и <u>избранные</u>, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но <u>никто и нигде не видал этих людей, никто не слыхал их слова и голоса.</u>** Раскольникова мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление этих горячешных грез.	**Глава 9** 1 Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. 2 Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. 3 И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. 4 И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а **только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих.** 5 И дано ей **не убивать их, а только мучить** пять месяцев; и **мучение** от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. 6 В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них. 7 По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее — как лица человеческие; 8 и волосы у ней — как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. 9 На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; 10 у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить людям пять месяцев. 11 Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион. <…> 18 От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей; 19 ибо сила коней заключалась во рту их и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям, и имели головы, и ими они вредили. 20 **Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.** **21 И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем.** **Глава 20** 12 И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и **судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.** 13 Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим. 14 И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. 15 **<u>И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное</u>**.

Вспомните, как в диалоге Раскольникова с Соней была предложена читателю «теория» Сони: она читает библейский текст – именно читает, а не создаёт заново своё, как это делает сам Раскольников и все персонажи, в большей или меньшей степени соотнесённые с ним, – Мармеладов, Лужин, Свидригайлов.
Истина не создаётся сознанием одного человека, она существует как данность. Именно поэтому в эпилоге романа теории Раскольникова противопоставляются образы вечной книги («Убийца и блудница сошлись за чтением вечной книги» - часть IV глава IV). Апокалипсис – Откровение Иоанна Богослова – представляет картину мироустройства, записанную Иоанном, но данную (открытую) Богом, а не созданную мыслью одного человека.
Важно, что кошмар, открывающийся Раскольникову, связан с раз-делённостью – рас-колотостью –не-возможностью договориться:
«Не знали, кого и как судить, **не могли согласиться, что считать злом, что добром**. **Не знали, кого обвинять, кого оправдывать.** Люди убивали друг друга в какой-то **бессмысленной** злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, **никто не знал того, а все были в тревоге.** Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, **и не могли согласиться**; остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, **соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, — но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга**, дрались и резались».

Совесть – «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; <u>внутреннее сознание добра или зла</u>; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; <u>невольная любовь к добру и к истине; прирождённая правда,</u> в различной степени развития» (В. И. Даль); «чувство нравственной ответственности за своё поведение перед людьми, обществом»; «о.-с.* sъvěstь – «познание, получаемое <u>совместно</u> с кем-либо», - эти словарные определения отвечают на вопрос о том, почему «преступление сопровождается всегда болезнью» и почему герой не может испытывать любви к Соне, разрывает отношения с сестрой и с матерью: совесть – прирождённая правда, природа человека и одновременно закон всеобщей связи между людьми.
С точки зрения Достоевского (что вполне созвучно христианской логике), МОРАЛЬ («Я не старушонку убил, я мораль убил!») АБСОЛЮТНА (то, что безнравственно, - одинаково безнравственно для всех), совесть у всех одинаковая, поэтому мораль связывает людей. Именно это представление лежит в основе православного представление о СОБОРНОСТИ. Вспомните внутренний монолог Раскольникова после убийства: «Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту», - и слова Сони: «Мы одно, заодно живем», - говорит она о Катерине Ивановне и детях.
Апокалиптические сны Раскольникова рисуют результат представлений о том, что мораль ОТНОСИТЕЛЬНА, «для каждого своя», может быть преодолена, - люди не могут согласиться, что считать злом, что добром, гибнут в «бессмысленной злобе».

4. Далее читатель видит Раскольникова, созерцающего пейзаж. Важно, что поразившая героя идея – порождение города, в котором «низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят». Перечитайте и проанализируйте фрагмент.

День опять был ясный и теплый. Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебастра и где толкли его. Отправилось туда всего три работника. Один из арестантов взял конвойного и пошел с ним в крепость за каким-то инструментом; другой стал изготовлять дрова и накладывать в печь. Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была **свобода** и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то **тоска** волновала его и **муч**ила.

Б.Н. Тихомиров в книге «Лазарь, гряди вон!» комментирует этот эпизод так: «Созерцание Раскольникова имеет автобиографический характер. Ср. с аналогичной зарисовкой в «Записках из Мертвого дома»: "...работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом береге, что единственно только с него и был виден мир Божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своей пустынностью. <...> На берегу можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Всё для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то там хлопочет с своими двумя баранами. Всё это бедно и дико, но свободно"».

Главное же здесь, конечно, символическое значение пейзажа: герой (а вместе с ним и читатель) видит эпическое спокойствие течения жизни – те, кто движет историю, просто не нужны. Отдельного комментария заслуживает предложение: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его». Здесь необходимо воспроизвести историю Авраама, рассказанную в Ветхом Завете (Книга Бытия). Прочитайте адаптированный пересказ библейского текста.

И видя веру Аврама, Бог избрал его, и отделил его от племени, и повелел ему идти в чужую, неизвестную землю, обещав ему при этом произвести от него многочисленное потомство, и благословенную землю ту предоставить в наследие ему.

И не усомнился 75-ти летний старец в возвещенном ему, оставил свое отечество – (город Ур – в Халдее или Месопотамии), и переселился в землю Ханаанскую, указанную ему Богом, с женою своею Сарою и племянником своим Лотом.

Аврам стал жить в земле Ханаанской, а Лот стал жить в городах окрестности, и раскинул шатры до Содома. Жители же Содома были злы и весьма грешны перед Господом.

И сказал Господь Авраму после того, как Лот отделился от него: возведи очи твои с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку и к западу. Ибо всю землю, которую видишь, тебе дам Я, и потомству твоему навеки. И сделаю потомство твое, как песок земной; если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в долготу и в широту ее: ибо Я дам ее тебе (и потомству твоему навсегда).

И двинул Аврам шатер и пошел, и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне; и создал там жертвенник Господу".

"После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении (ночью) и сказано: не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя (будет) весьма велика.

Аврам сказал: Владыка Господи! Что ты дашь мне? Я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Элиезер из Дамаска. Вот, ты не дал мне потомства, а вот, домочадец мой – наследник мой.

И было слово Господа к нему и сказано: не будет он твоим наследником; но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником. И вывел его вон, и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их; и сказал ему: столько будет у тебя потомков.

<u>Аврам поверил Господу и Он вменил ему это в праведность.</u>

И вот, снова Господь посетил Авраама, "явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел у входа в шатер (свой), во время зноя дневного.

Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер свой, и поклонился до земли. И сказал: Владыка! если я обрел благословение перед очами твоими, не пройди мимо раба Твоего.

И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом. А я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите (в путь свой); так как вы идете мимо раба вашего.

И сказал один из них: Я опять буду у тебя в это же время (в следующем году), и будет сын у Сарры, жены твоей. А Сарра слушала у входа в шатер, сзади его. Авраам же и Сарра были стары и в летах преклонных. Сарра внутренно рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар.

И сказал Господь Аврааму: отчего это (сама в себе) рассмеялась Сарра? Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и (будет) у Сарры сын.

И встали те мужи, и отправились к Содому (и Гоморре); Авраам же пошел с ними проводить их.

И призрел Господь на Сарру, как сказал; и сделал Господь Сарре, как говорил. Сарра родила Аврааму сына в старости его во время, о котором говорил ему Бог.

И нарек Авраам имя сыну своему, родившемуся у него: Исаак. Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его.

<….> Искусил Господь верность раба Своего последним испытанием: – Бог сказал Аврааму: "возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака, и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе.

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака сына своего; наколол дров для всесожжения и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог.

И пришли на место, о котором сказал Аврааму Бог, и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего, Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего…

Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не подымай руки твоей на отрока, и не делай над ним ничего; ибо теперь я знаю, что ты боишься Бога, и не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня. И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот назади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам, пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего.

В системе романа важнейшее значение приобретают библейские слова: «Авраам поверил Богу, и Он вменил ему это в праведность» (То, что вера=праведность, часто вызывает сомнение и удивление современного человека; для Достоевского это принципиальна мысль: легко быть праведником в дни спокойствия и благополучия, легко верить в Бога как логику и гармонию мира, когда мир вокруг проникнут логикой и гармонией, но вера обращается нравственным подвигом, когда видимое земными глазами уродливо и безобразно. Такова вера Сони.)

Б. Тихомиров в ранее уже названной книге пишет:
«Авраам - первый из библейских патриархов, с которым Господь заключает союз («завет вечный» - Быт. 17: 7), положивший начало подлинной истории Откровения. Почитается в христианстве как отец всех верующих. Жил в начале второго тысячелетия до нашей эры. Выражение «века Авраама» употреблено Достоевским как указание на начальный этап современной истории человечества и оказывается своеобразной вариацией мотива «золотого века». В этом смысле **греза Раскольникова на берегу Иртыша и его каторжные сопоставлены и контрастно противопоставлены как отправная точка и трагический итог исторического пути человечества, задавая тем самым необходимые всемирно-исторические координаты для интерпретации сущности и глубины совершаемого в герое духовного переворота**. Восприятие панорамы сибирской степи как библейской картины «веков Авраамовых» дополняет и завершает в сознании Раскольникова то самоопровержение прежней философско-исторической концепции героя, которое символически обнаружилось в его бредовых видениях мира, обреченного в жертву «страшной, неслыханной и невиданной моровой язве»: в соотношении «концов и начал» всемирной истории (как их теперь воспринимает Раскольников) окончательно рушится иллюзорное представление о том, что деятельность «необыкновенных» «установителей и законодателей человечества» ведет мир к желанной цели - Новому Иерусалиму; напротив, «вектор» движения этих сил в истории - нарастающий духовный распад и всеобщая катастрофа. Но во всемирно-историческом масштабе финальных видений героя обнаруживается и более общий художественный смысл. Указав, что «**в этих последних видениях Раскольникова как бы смыкается прошлое и будущее человечества**, вся его необъятная жизнь, с которой прямо соотносит себя, которой всё время меряет себя Раскольников», В.В. Кожинов в этой связи замечает: в романе Достоевского «все живут в прямой соотнесенности с целым миром, с человечеством, и не только современным, но и прошлым и будущим», «в прямой соотнесенности совершенно „частных" героев с целым миром состоит одна из главных новаторских черт романа Достоевского, которая принципиально отделяет его от предшествующего романа» (Кожинов. Роман - эпос нового времени.)»

5. Перечитайте эпизод. Обратите внимание на такие средства выразительности, как *антитеза и лексический повтор*. Как использованы в этом фрагменте *личные и притяжательные местоимения*?

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, **робко протянула ему свою руку**. Она всегда **протягивала ему свою руку робко**, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он **всегда как бы с отвращением брал** ее руку, **всегда точно с досадой встречал ее**, иногда упорно молчал во всё время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился. Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то **как бы подхватило** его и **как бы бросило** к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он **любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута**... Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. **Их воскресила любовь**, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного **счастия**! Но **он воскрес**, и **он знал это, чувствовал вполне всем обновившимся существом своим, а она — она ведь и жила только одною его жизнью!**

Всегда – боялась
брал с отвращением
встречал с досадой
упорно молчал
уходила в глубокой скорби
Теперь – руки не разнимались
Что-то подхватило и бросило к её ногам – ср. IV гл. IV ч.: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился» - Соня тоже вспомнила, поэтому «ужасно испугалась»
Настала же наконец эта минута – воздаяние по вере (легенда о воскресении Лазаря)

6. Итак, чудо воскресение происходит на глазах читателя. Читателю не очень верится? Изображение кажется нереалистичным? Всё верно: чудо не может быть подготовлено, оно происходит ВДРУГ («**Вдруг** подле него **очутилась** Соня»), оно не может быть изображено реалистично и доказуемо, именно потому, что оно ЧУДО. Детское «не может быть!», «так не бывает!» - это именно вопрос веры («Авраам поверил Богу, и Он вменил ему это в праведность»); если бы верить было легко, вера сама по себе не была бы подвигом.

Дочитываем роман.

«Он, впрочем, **не мог** в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь **думать, сосредоточиться на чем-нибудь мыслью**; да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; **он только чувствовал**. **Вместо диалектики наступила жизнь**, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое. Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия. Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал. Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: **”Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...“» (вспомните, о чём говорит Дуне Свидригайлов)**

Ещё один фрагмент из комментария Б.Тихомирова:
«Под подушкой его лежало Евангелие. - Автобиографический мотив. Вспоминая о встрече в Тобольске, по пути в Омский острог, с женами декабристов - П. Е. Анненковой, Ж. А. Муравьевой и Н. Д. Фонвизиной, Достоевский писал: «Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием - единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим»
В известном смысле финальные строки корректируют и роль Евангелия в истории обращения Раскольникова, позволяя автору и в этом пункте избегнуть в своих художественных решениях заданности и прямолинейности. Возможно, ориентиром для Достоевского здесь послужило проникновенное суждение любимого им св. Тихона Задонского о сущности взаимоотношений грешника и евангельского слова: «Кому же убо Евангелие приличествует? Ответ: грешникам, от грехов обратившимся к Богу, за содеянные грехи болезнующим. суда Божия боящимся, печалию сокрушенным, милости Божией ищущим, и со смирением Ему припадающим; откуду писано есть: покайтеся и веруйте во Евангелие [Мк. 1: 15]. Видим, что прежде покаяние предлагается, а потом Евангелие. Без покаяния бо Евангелие ничего не пользует. Евангелие бо утешение нам приносит. Но на что тому утешение, который печального и сокрушенного сердца не имеет? <...> Покайся убо, и обратись от грехов к Богу, и имей сокрушенное сердце: тогда и тебе Евангелие святое будет приличествовать, как язве телесной живительный пластырь». В этой логике для Раскольникова, которому сейчас, «в начале своего счастья», «даже преступление его» кажется, «в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже не с ним случившимся фактом», который пока еще не представляет, «что новая жизнь не даром же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом», - подлинная, глубинная, сущностная встреча с Евангелием еще впереди. И в этом выражается абсолютный художественный такт Достоевского. Но слова о том, что «он взял его машинально», то есть «бессознательно, невольно, непроизвольно, беспамятно, неумышленно» (Даль. Словарь. Т. 2. С. 309), звучат как обетование грядущего «истинного контакта героя с великой книгой христианства» .
Семь лет! Только семь лет! В начале своего счастия, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет как на семь дней. - По указанию С. В. Белова, аллюзия на библейский текст: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» (Быт. 29: 20). Показательно, что рассказ книги «Бытия» об Иакове и Лаване (отце Рахили), где возникает эта поэтическая формула, упомянут в «Братьях Карамазовых» (слова старца Зосимы) как одно из наиболее поразительных мест Ветхого Завета. Отметим также, что указанная библейская ассоциация дополнительно поддержана ближайшим контекстом романа: «...точно не прошли еще времена Авраама и стад его».

«Изо всех религий одно христианство рядом с совершенным Богом ставит совершенного человека, в котором полнота божества обитает телесно. И если полная действительность бесконечной человеческой души была осуществлена в Христе, то возможность, искра этой бесконечности и полноты существует во всякой душе человеческой, даже на самой низкой ступени падения, и это показал нам Достоевский в своих любимых типах»

В. С. Соловьёв. Из речей в память Достоевского. Вторая речь.
В кн. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. – М., 1992.